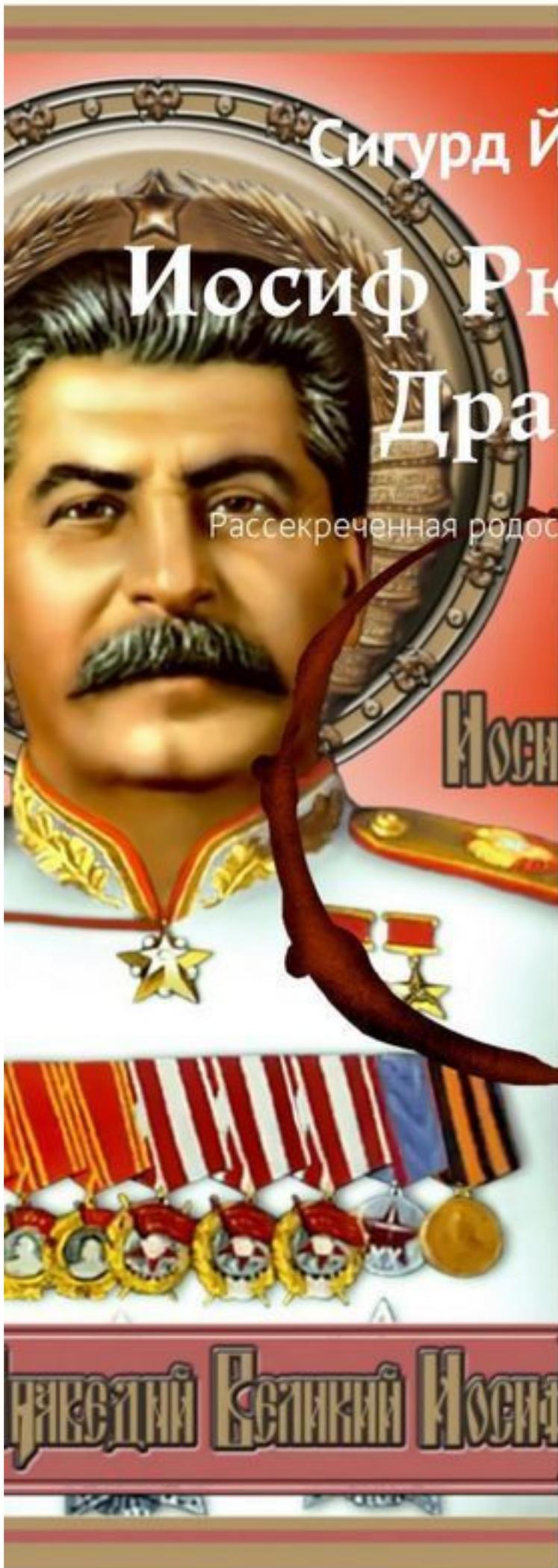

Сигурд Йоханссон

Иосиф Рюрикович- Дракула

Рассекреченная родословная генералиссимуса

Сигурд Йоханссон

**Иосиф Рюрикович-
Дракула. Рассекреченная
родословная генералиссимуса**

«Издательские решения»

Йоханссон С.

Иосиф Рюрикович-Дракула. Рассекреченная родословная генералиссимуса / С. Йоханссон — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-838568-1

Сталин, Иван Грозный и Дракула — что между ними общего? Все эти люди вошли в историю Европы как самые одиозные и кровожадные правители, поработители народов и тираны. Но не только! Они были родственниками! В книге на основе анализа секретных архивных документов и исторических изысканий приводятся убедительные тому доказательства! Сталин был потомком двух самых жестоких и беспринципных политиков человечества, что и стало роковым для истории России фактором!

ISBN 978-5-44-838568-1

© Йоханссон С.
© Издательские решения

Содержание

От автора	6
Глава первая. Единство поступков	8
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Иосиф Рюрикович-Дракула Рассекреченная родословная генералиссимуса

Сигурд Йоханссон

*Светлой памяти Юлиана Семенова – верного друга
и досточтимого учителя*

Автор

Иллюстратор Братья Швальнеры

Переводчик Братья Швальнеры

© Сигурд Йоханссон, 2017

© Братья Швальнеры, иллюстрации, 2017

© Братья Швальнеры, перевод, 2017

ISBN 978-5-4483-8568-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Учеными давно уже высказывается точка зрения о том, что история носит циклический характер. Дескать, события завтрашнего дня легко можно определить, если соотнести события дня сегодняшнего с аналогичным историческим периодом и заглянуть в прошлое – что наступило после схожих реалий? Неслучайно периоды войн и революций, как правило, следуют друг за другом, тираны приходят в строго определенные времена, вслед за авторитаризмом следует демократия и тому подобное.

Мы (здесь и далее я буду говорить «мы», потому что за текстом этой книги и работой, отраженной в ней, стою не только я, а еще и ряд моих коллег) задумались в этой связи вот о чем. На протяжении нескольких столетий миром и государствами управляли разные люди, и остановить взгляд обычного человека – не историка – на каком-то конкретном правителе, охватывая тысячелетнюю историю человечества, бывает трудно. Но на некоторых взгляд непроизвольно останавливается сам. К их числу относятся такие лидеры европейских держав как небезызвестный Влад Дракула, господарь Валахии, и правители русского государства – царь Иван IV Васильевич Рюрикович, более известный в народе как Иван Грозный или Иоанн Мучитель и Иосиф Виссарионович Сталин (Джугашвили), возглавлявший страну с 1922 по 1953 годы.

Без сомнения, знаковые личности, они не просто, зная свое дело, управляли государством – они направляли ход мировой истории в некоем направлении, известном им одним. А почему, собственно, только им? Этот вопрос мы и поставили перед собой и принялись за изучение биографий каждого из них. Причем не просто за чтение исторической литературы – а за тщательную и кропотливую работу с архивными первоисточниками.

История вообще, по меткому замечанию Э. С. Радзинского, имеет функцию направителя исторического процесса – будучи изложенной справедливо и точно, она способна предостеречь от ошибок, направить на путь истинный целые народы. Но, будучи искаженной и оболганной, она этой своей задачи не исполняет.

Что история России, что вообще вся европейская история буквально пестрит искажениями и неправдой – к числу таковых относится миф о Дракуле-вампире, о который буквально можно стереть зубы, обосновывая его абсурдность, – сквозь густую пелену которых вынуждены мы были пробираться на протяжении не одного года. И когда наконец более или менее рассеялся туман исторической наспралины, открылись нашему взору поразительные и подчас ужасающие вещи.

Одной из них был факт прямого родства Влада Дракулы, Ивана Грозного и Иосифа Сталина! И тут сразу нашлось объяснение многим поступкам, вышедшим из рук каждого из этих правителей, объяснить которые не всегда в полной мере может историческая наука. И выявились определенные закономерности, свойственные как их методам государственного руководства, так и историческим реалиям, сопутствующим их правлению.

Не так давно нами на основе изучения огромного количества закрытых архивных материалов сделано просто невероятное открытие – Сталин, Иван Грозный и Влад Дракула состояли в родстве! Обнаруженное настолько поразило и потрясло нас, что мы посвятили этому целую книгу, которую Вы сейчас держите в руках. Когда работа над открытием была завершена в полном объеме с точки зрения науки, то само это родство предстало для нас настолько очевидным, что буквально оторопь взяла от вопроса – что же будет дальше?

А вот на вопрос, почему это родство столь тщательно скрывалось историками и официальной наукой ответ прослеживается очень четко – чтобы утаить от народа вот этот самый прогноз о завтрашнем дне. Ведь если история циклическа, а три знаменитых тирана были членами одной семьи, появляясь на исторической арене с определенным временным проме-

жутком, то не исключена вероятность повторения тех или иных исторических событий, что происходили поодаль от них! А они были весьма малопривлекательны...

Так или иначе, как говорил Фрэнсис Бэкон, «знание – сила», а потому скрывать от народа столь ужасающую историческую правду мы сочли для себя невозможным. Чтобы лучше воспринимать историю, надо мысленно перенестись в тот самый интерьер, о котором идет повествование. Итак, уважаемый читатель, позвольте Вашу руку – и вместе перенесемся в Кремль в день 13 декабря 1931 года...

Глава первая. Единство поступков

13 декабря 1931 года в Кремле немецкий писатель Эмиль Людвиг брал интервью у Сталина. В ходе беседы он задал своему респонденту вопрос: «Сегодня, здесь, в Кремле, я видел некоторые реликвии Петра Великого, и первый вопрос, который я хочу Вам задать, следующий: допускаете ли Вы параллель между собой и Петром Великим? Считаете ли Вы себя продолжателем дела Петра Великого?» На что глава Советского государства ответил: «Ни в каком роде. Исторические параллели всегда рискованны. Данная параллель бессмысленна».¹

Ответ его был не случаен. Ему не нравилось сравнение с Петром Великим. Больше импонировали ему сравнения с другим правителем России, из другой династии, отодвинувшей от кормила власти династию Рюриковичей. Историческая память не давала покоя одному из лидеров большевиков уже тогда, в 1918 году, когда он принял – как мы это увидим далее – самое живое участие в расстреле потомков тех, из-за кого он и его предки долгие годы проживали в неизвестности в то время, как имели и право и возможности управлять страной. Так же она говорила в нем, когда он ставил пометы на полях читаемых им книг о жизни великого предка...

Б. С. Илизаров в книге «Тайная жизнь Сталина» пишет: «Работая с архивом и библиотекой Сталина, я наткнулся на редкое издание пьесы Алексея Толстого „Иван Грозный“. На одной из страниц сталинской рукой написано: „Учитель“. Невольно мелькнула мысль – Сталин называет деспота Грозного своим учителем... Однако вскоре стало ясно – поторопился. За этой сталинской пометой стоит нечто большее, чем прямое указание на средневекового кровавого царя как на учителя. Да и помета выглядит не совсем обычно».²

Именно! Ученый прав! Все это крайне не обычно! Дополнительным доказательством необычности служат слова Сталина из его выступления на заседании Оргбюро ЦК ВКП (б) по вопросу о кинофильме «Большая жизнь» 9 августа 1946 года: «Или другой фильм – «Иван Грозный» Эйзенштейна, вторая серия. Не знаю, видел ли кто его, я смотрел, – омерзительная штука! Человек совершенно отвлекся от истории. Изобразил опричников, как последних паршивцев, дегенератов, что-то вроде американского Ку-Клукс-Клана. Эйзенштейн не понял того, что войска опричнины были прогрессивными войсками, на которые опирался Иван Грозный, чтобы собрать Россию в одно централизованное государство, против феодальных князей, которые хотели раздробить и ослабить его. У Эйзенштейна старое отношение к опричнине. Отношение старых историков к опричнине было грубо отрицательным, потому что репрессии Грозного они расценивали, как репрессии Николая Второго, и совершенно отвлекались от исторической обстановки, в которой это происходило.

В наше время другой взгляд на опричнину. Россия, раздробленная на феодальные княжества, т. е. на несколько государств, должна была объединиться, если не хотела подпасть под татарское иго второй раз. Это ясно для всякого и для Эйзенштейна должно было быть ясно. Эйзенштейн не может не знать этого, потому что есть соответствующая литература, а он изобразил каких-то дегенератов. Иван Грозный был человеком с волей, с характером, а у Эйзенштейна он какой-то безвольный Гамлет. Это уже формалистика. Какое нам дело до формализма, – вы нам дайте историческую правду. Изучение требует терпения, а у некоторых постановщиков не хватает терпения и поэтому они соединяют все воедино и преподносят фильм: вот вам, «плотайте», – тем более, что на нем марка Эйзенштейна. Как же научить

¹ «Большевик» №8, 30 апреля 1932 г.

² Илизаров, Б. С. Тайная жизнь Сталина. М., Вече, 2012 г., ISBN: 978—5—9533—6265—8.

людей относиться добросовестно к своим обязанностям и к интересам зрителей и государства? Ведь мы хотим воспитывать молодежь на правде, а не на том, чтобы исказить правду».³

Не остановившись на этом, Сталин вскоре беседует с режиссером С. М. Эйзенштейном и актером Н. К. Черкасовым по поводу фильма «Иван Грозный» 26 февраля 1947 года. Говорит он им буквально следующее:

«Сталин. Вы историю изучали?

Эйзенштейн. Более или менее...

Сталин. Более или менее?.. Я тоже немножко знаком с историей. У вас неправильно показана опричнина. Опричнина – это королевское войско. В отличие от феодальной армии, которая могла в любой момент сворачивать свои знамена и уходить с войны, – образовалась регулярная армия, прогрессивная армия. У вас опричники показаны, как ку-клус-клан.

Эйзенштейн сказал, что они одеты в белые колпаки, а у нас – в черные.

Молотов. Это принципиальной разницы не составляет.

Сталин. Царь у вас получился нерешительный, похожий на Гамлета. Все ему подсказывают, что надо делать, а не он сам принимает решения... Царь Иван был великий и мудрый правитель, и если его сравнить с Людовиком XI (вы читали о Людовике XI, который готовил абсолютизм для Людовика XIV?), то Иван Грозный по отношению к Людовику на десятом небе. Мудрость Ивана Грозного состояла в том, что он стоял на национальной точке зрения и иностранцев в свою страну не пускал, ограждая страну от проникновения иностранного влияния. В показе Ивана Грозного в таком направлении были допущены отклонения и неправильности. Петр I – тоже великий государь, но он слишком либерально относился к иностранцам, слишком раскрыл ворота и допустил иностранное влияние в страну, допустив онемечивание России. Еще больше допустила его Екатерина. И дальше. Разве двор Александра I был русским двором? Разве двор Николая I был русским двором? Нет. Это были немецкие дворы.

Замечательным мероприятием Ивана Грозного было то, что он первый ввел государственную монополию внешней торговли. Иван Грозный был первый, кто ее ввел, Ленин – второй.

Жданов. Эйзенштейновский Иван Грозный получился неврастеником.

Молотов. Вообще сделан упор на психологизм, на чрезмерное подчеркивание внутренних психологических противоречий и личных переживаний.

Сталин. Нужно показывать исторические фигуры правильно по стилю. Так, например, в первой серии не верно, что Иван Грозный так долго целуется с женой. В те времена это не допускалось.

Жданов. Картина сделана в византийском уклоне, и там тоже это не практиковалось.

Молотов. Вторая серия очень зажата сводами, подвалами, нет свежего воздуха, нет шири Москвы, нет показа народа. Можно показывать разговоры, можно показывать репрессии, но не только это.

Сталин. Иван Грозный был очень жестоким. Показывать, что он был жестоким можно, но нужно показать, почему необходимо быть жестоким. Одна из ошибок Ивана Грозного состояла в том, что он не дорезал пять крупных феодальных семейств. Если он эти пять боярских семейств уничтожил бы, то вообще не было бы Смутного времени. А Иван Грозный кого-нибудь казнил и потом долго каялся и молился. Бог ему в этом деле мешал... Нужно было быть еще решительнее.

Молотов. Исторические события надо показывать в правильном осмыслении. Вот, например, был случай с пьесой Демьяна Бедного «Богатыри». Демьян Бедный там издевался

³ Власть и художественная интеллигенция. Документы. 1917—1953. С. 581—584. РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 5325. Л. 23—27.

над крещением Руси, а дело в том, что принятие христианства для своего исторического этапа было явлением прогрессивным.

Сталин. Конечно, мы не очень хорошие христиане, но отрицать прогрессивную роль христианства на определенном этапе нельзя. Это событие имело очень крупное значение, потому что это был поворот русского государства на смыкание с Западом, а не ориентация на Восток.

Об отношении с Востоком Сталин говорит, что, только что освободившись от татарского ига, Иван Грозный торопился объединить Россию с тем, чтобы быть оплотом против возможных набегов татар. Астрахань была покорена, но в любой момент могла напасть на Москву. Крымские татары также могли это сделать.

Сталин. Демьян Бедный представлял себе исторические перспективы неправильно. Когда мы передвигали памятник Минину и Пожарскому ближе к храму Василия Блаженного, Демьян Бедный протестовал и писал о том, что памятник надо вообще выбросить и вообще надо забыть о Минине и Пожарском. В ответ на это письмо я назвал его «Иваном, не помнящим своего родства». Историю мы выбрасывать не можем...

Дальше Сталин делает ряд замечаний по поводу трактовки образа Ивана Грозного и говорит о том, что Малюта Скуратов был крупным военачальником и героически погиб в войну с Ливонией.

Черкасов в ответ на то, что критика помогает и что Пудовкин после критики сделал хороший фильм «Адмирал Нахимов», сказал: «Мы уверены в том, что мы сделаем не хуже, ибо я работаю над образом Ивана Грозного не только в кино, но и в театре, полюбил этот образ и считаю, что наша переделка сценария может оказаться правильной и правдивой».

На что Сталин ответил (обращаясь к Молотову и Жданову): «Ну что ж, попробуем».

Черкасов. Я уверен в том, что переделка удастся.

Сталин. Дай вам бог, каждый день – новый год. (Смеется.)

Эйзенштейн. Мы говорим, что в первой серии удался ряд моментов, и это нам дает уверенность в том, что мы сделаем и вторую серию.

Сталин. Что удалось и хорошо, мы сейчас не говорим, мы говорим сейчас только о недостатках.

Эйзенштейн спрашивает, не будет ли еще каких-либо специальных указаний в отношении картины.

Сталин. Я даю вам не указания, а высказываю замечания зрителя. Нужно исторические образы правдиво отображать. Ну, что нам показали Глинку? Какой это Глинка? Это же – Максим, а не Глинка. Артист Чирков не может перевоплощаться, а для актера самое главное качество – уметь перевоплощаться. (Обращаясь к Черкасову.) Вот вы перевоплощаться умеете.

На что Жданов замечает, что Черкасову не повезло с Иваном Грозным. Тут была еще паника с «Весной», и он стал играть дворников – в картине «Во имя жизни» он играет дворника.

Черкасов говорит, что он играл большинство царей и играл даже Петра Первого и Алексея.

Жданов. По наследственной линии. По наследственной переходили...

Сталин. Нужно правильно и сильно показывать исторические фигуры. (К Эйзенштейну.) Вот, Александра Невского – Вы компоновали? Прекрасно получилось. Самое важное – соблюдать стиль исторической эпохи. Режиссер может отступать от истории; неправильно, если он будет просто списывать детали из исторического материала, он должен работать своим воображением, но – оставаться в пределах стиля. Режиссер может варьировать в пределах стиля исторической эпохи.

Жданов говорит, что Эйзенштейн увлекается тенями (что отвлекает зрителя от действия) и бородой Грозного, что Грозный слишком часто поднимает голову, чтобы было видно его бороду.

Эйзенштейн обещает в будущем бороду Грозного укоротить.

Сталин (вспоминая отдельных исполнителей первой серии «Ивана Грозного»). Курбский – великолепен. Очень хорош Старицкий (артист Кадочников). Он очень хорошо ловит мух. Тоже: будущий царь, а ловит руками мух!

Такие детали нужно давать. Они вскрывают сущность человека.

...Разговор переходит на обстановку в Чехословакии в связи с поездкой Черкасова на съемки и участием его в советском кинофестивале. Черкасов рассказывает о популярности Советской страны в Чехословакии.

Разговор идет о разрушениях, которые причинили американцы чехословацким городам.

Сталин. В наши задачи входило раньше американцев вступить в Прагу. Американцы очень торопились, но благодаря рейду Конева удалось обогнать их и попасть раньше, перед самым падением Праги. Американцы бомбили чехословацкую промышленность. Этой линии американцы держались везде в Европе. Для них было важно уничтожить конкурирующую с ними промышленность. Бомбили они со вкусом!

Черкасов рассказывает об альбоме с фотографиями Франко и Геббельса, который был на вилле у посла Зорина.

Сталин. Хорошо, что мы с этими сволочами покончили, и если бы эти мерзавцы победили, то страшно подумать, что бы было.

Черкасов рассказывает о выпуске советской школы советской колонии в Праге. Рассказывает о детях эмигрантов, которые там учатся. Очень жалко детей, которые считают своей родиной Россию, считают ее своим домом, но родились там и в России никогда не были.

Сталин. Жалко детей, ибо они ни в чем не виноваты.

Молотов. Мы сейчас даем широкую возможность возвращения детей в Россию.

Сталин говорит Черкасову, что он умеет перевоплощаться и что, пожалуй, у нас еще умел перевоплощаться артист Хмелев.

Черкасов сказал, что он многому научился, работая статистом в Мариинском театре в Ленинграде в то время, когда там играл и выступал Шаляпин – великий мастер перевоплощения.

Сталин. Это был великий актер.

Жданов задал вопрос: как снимается «Весна»?

Черкасов. Скоро заканчиваем. К весне – «Весну» выпустим.

Жданов говорит, что ему материал «Весны» очень понравился. Очень хорошо играет артистка Орлова.

Черкасов. Очень хорошо играет артист Плятг.

Жданов. А как играет Раневская! (И замахал руками.)

Черкасов. Я себе позволил первый раз в жизни выступить в картине без бороды, без усов, без мантии, без грима. Играя режиссера, я немножко стыжусь своего вида, и мне хочется укрыться моим характером. Роль – очень ответственная, так как я должен показать советского режиссера, и все наши режиссеры волнуются: как будет показан советский режиссер?

Молотов. И вот тут Черкасов сведет счеты со всеми режиссерами!

Когда ещё только снимавшаяся картина «Весна» подвергалась большим сомнениям, Черкасов, прочитав в газете «Советское искусство» редакционную статью по поводу «Весны», решил, что картина уже запрещена. И тогда Жданов сказал: Черкасов видит, что

подготовка «Весны» погибла, и начал браться играть дворников! Затем Жданов неодобрительно говорит о критическом шуме, который поднят вокруг «Весны».

Сталин интересуется, как играет артистка Орлова. Он одобрительно отзывается о ней как об актрисе.

Черкасов говорит, что это – актриса большой работоспособности и таланта.

Жданов. Орлова играет хорошо.

И все вспоминают «Волгу-Волгу» и роль почтальона Стрелки в исполнении Орловой.

Черкасов. Вы смотрели «Во имя жизни»?

Сталин. Нет, не смотрел, но мы имеем хороший отзыв от Климента Ефремовича. Ворошилову картина понравилась.

Ну, что же, тогда, значит, вопрос решен. Как вы считаете, товарищи (обращается к Молотову и Жданову), – дать возможность доделать фильм товарищам Черкасову и Эйзенштейну? – и добавляет: передайте об этом товарищу Большакову.

Черкасов спрашивает о некоторых частностях картины и о внешнем облике Ивана Грозного.

Сталин. Облик правильный, его менять не нужно. Хороший внешний облик Ивана Грозного.

Черкасов. Сцену убийства Старицкого можно оставить в сценарии?

Сталин. Можно оставить. Убийства бывали.

Черкасов. У нас есть в сценарии сцена, где Малюта Скуратов душит митрополита Филиппа.

Жданов. Это было в Тверском Отроч-монастыре?

Черкасов. Да. Нужно ли оставить эту сцену?

Сталин сказал, что эту сцену оставить нужно, что это будет исторически правильно.

Молотов говорит, что репрессии вообще показывать можно и нужно, но надо показать, почему они делались, во имя чего. Для этого нужно шире показать государственную деятельность, не замыкаться только сценами в подвалах и закрытых помещениях, а показать широкую государственную деятельность.

Черкасов высказывает свои соображения по поводу будущего переделанного сценария, будущей второй серии.

Сталин. На чем будет кончаться картина? Как лучше сделать еще две картины, то есть 2-ю и 3-ю серии? Как мы это думаем вообще сделать?

Эйзенштейн говорит, что лучше соединить снятый материал второй серии с тем, что остался в сценарии, в одну большую картину. Все с этим соглашаются.

Сталин. Чем будет у нас кончаться фильм?

Черкасов говорит, что фильм будет кончаться разгромом Ливонии, трагической смертью Малюты Скуратова, походом к морю, где Иван Грозный стоит у моря в окружении войска и говорит: «На морях стоим и стоять будем!»

Сталин. Так оно и получилось, и даже немножко больше.

Черкасов спрашивает, нужно ли наметку будущего сценария фильма показывать для утверждения Политбюро?

Сталин. Сценарий представлять не нужно, разберитесь сами. Вообще по сценарию судить трудно, легче говорить о готовом произведении. (К Молотову.) Вы, вероятно, очень хотите прочесть сценарий?

Молотов. Нет, я работаю несколько по другой специальности. Пускай читает Большаков.

Эйзенштейн говорит о том, что было бы хорошо, если бы с постановкой этой картины не торопили.

Это замечание находит оживленный отклик у всех.

Сталин. Ни в каком случае не торопитесь, и вообще поспешные картины будем закрывать и не выпускать. Репин работал над «Запорожцами» 11 лет.

Молотов. 13 лет.

Сталин. (настойчиво.) 11 лет.

Все приходят к заключению, что только длительной работой можно действительно выполнить хорошие картины.

По поводу фильма «Иван Грозный» Сталин говорил, что если нужно полтора-два года, даже три года для постановки фильма, то делайте в такой срок, но чтобы картина была сделана хорошо, чтобы она была сделана «скульптурно». Вообще мы сейчас должны поднимать качество. Пусть будет меньше картин, но более высокого качества. Зритель наш вырос, и мы должны показывать ему хорошую продукцию.

Говорили, что Целиковская хороша в других ролях. Она хорошо играет, но она балерина.

Мы отвечаем, что в Алма-Ату нельзя было вызвать другую артистку.

Сталин говорит, что режиссер должен быть непреклонен и требовать то, что ему нужно, а наши режиссеры слишком легко уступают в своих требованиях. Иногда бывает, что нужен большой актер, но играет неподходящий на ту или иную роль, потому что он требует и ему дают эту роль играть, а режиссер соглашается.

Эйзенштейн. Артистку Гошеву не могли отпустить из Художественного театра в Алма-Ату для съемок. Анастасию мы искали два года.

Сталин. Артист Жаров неправильно, несерьезно отнесся к своей роли в фильме «Иван Грозный». Это несерьезный военачальник.

Жданов. Это не Малюта Скуратов, а какой-то «шапокляк»!

Сталин. Иван Грозный был более национальным царем, более предусмотрительным, он не впускал иностранное влияние в Россию, а вот Петр – открыл ворота в Европу и напустил слишком много иностранцев.

Черкасов говорит о том, что, к сожалению и к своему стыду, он не видел второй серии картины «Иван Грозный». Когда картина была смонтирована и показана, он в то время находился в Ленинграде.

Эйзенштейн добавляет, что он тоже в окончательном виде картину не видел, так как сразу после ее окончания заболел.

Это вызывает большое удивление и оживление.

Разговор кончается тем, что Сталин желает успеха и говорит: «Помогай бог!»

Пожимаем друг другу руки и уходим. В 0.10 минут беседа заканчивается.

Добавление к записи Б. Н. Агапова, сделанное С. М. Эйзенштейном и Н. К. Черкасовым:

Жданов сказал еще, что «в фильме имеется слишком большое злоупотребление религиозными обрядами».

Молотов сказал, что это «дает налет мистики, которую не нужно так сильно подчеркивать».

Жданов говорит, что «сцена в соборе, где происходит „пещное действо“, слишком широко показана и отвлекает внимание».

Сталин говорит, что опричники во время пляски похожи на каннибалов и напоминают каких-то финикийцев и каких-то вавилонцев.

Когда Черкасов говорил, что он уже давно работает над образом Ивана Грозного и в кино и в театре, Жданов сказал: «Шестой уж год я царствую спокойно»⁴.

⁴ Сталин И. В. Сочинения. – Т. 18. – Тверь: Информационно-издательский центр «Союз», 2006. С. 433—440.

Позже мы еще не раз вернемся к этой беседе и к этим словам отца народов. Но сейчас важно отметить, насколько трепетно и живо оценивает Сталин не просто роль царя, но и роль каждого действующего лица из его окружения – говорит как заправский историк, сыплет характеристиками и историческими подробностями. Что это? Только ли досужее увлечение главы государства историей своей страны или нечто большее?

Отвечая на этот вопрос, невольно вспоминаем мы, как знаменитый Уинстон Черчилль трепетно писал своего многотомного «Мальборо». Как называл панегириком своему славному предку его биографию в собственном исполнении. И тут уж речь шла не просто об оценках, а о знании деталей в такой степени, в какой их не дает изучение исторических первоисточников – такое напомнить может только зов крови...

Впрочем, не только в словах проявляется та самая историческая параллель, которая явно наличествует между двумя кровавыми правителями России. Она во всем. И, в первую очередь, в делах.

3 декабря 1564 года Иван Грозный с семьёй внезапно выехал из столицы на богомолье. С собой царь взял казну, личную библиотеку, иконы и символы власти. Посетив село Коломенское, он не стал возвращаться в Москву и, проскитавшись несколько недель, остановился в Александровской слободе.

3 января 1565 года он объявил о своём отречении от престола в пользу старшего сына юного царевича Ивана Ивановича, по причине «гнева» на бояр, церковных, воеводских и приказных людей. После прочтения послания царя в Москве резко накалилась антибоярская обстановка – в Кремль пришли тысячи москвичей, разъярённых названными в послании изменами бояр, и Боярской Думе ничего не оставалось, как просить Ивана возвратиться на царство. Через два дня в Александровскую слободу прибыла депутация во главе с архиепископом Пименом, которая уговорила царя вернуться на царство. 5 января 1565 года государь Иван IV принимает решение учредить опричнину.

Когда в начале февраля 1565 года Иван Грозный вернулся в Москву из Александровской слободы, он объявил, что вновь принимает на себя правление, с тем, чтобы ему вольно было казнить изменников, налагать на них опалу, лишать имущества «без доуки и печалований» со стороны духовенства и учредить в государстве «опричнину».

Летописец возлагает вину за беды, обрушившиеся на государство, на саму «Русскую землю, погрязшую в грехах, междоусобной брани и изменах»: «И потом, по грехом Руския всея земли, восташа мятеж велик и ненависть во всех людях, и междоусобная брань и беда велика, и государя на гнев подвигли, и за великую измену царь учиниша опричнину»⁵.

К посвящению в сан митрополита Филиппа, произошедшему 25 июля 1566 года, была подготовлена и подписана грамота, согласно которой Филипп обещал «в опричнину и царский обиход не вступаться и, по поставлении, из-за опричнины... митрополии не оставлять»⁶, но 22 марта 1568 года в Успенском соборе Филипп отказался благословить царя и потребовал отменить опричнину. В ответ опричники насмерть забили железными палками слуг митрополита, затем против митрополита был возбуждён процесс в церковном суде. Филипп был извергнут из сана и сослан в Тверской Отроч монастырь.

В начале сентября 1567 года Грозный вызвал к себе английского посланника Дженкинсона и через него передал королеве Елизавете I просьбу о предоставлении убежища в Англии. Это было связано с известием о заговоре в земщине, поставившем целью свергнуть его с престола в пользу Владимира Андреевича. Основой послужил донос самого Владимира Андреевича; Р. Г. Скрынников признаёт принципиально неразрешимым вопрос, действительно ли возмущённая опричниной «земщина» составила заговор, или всё сводилось

⁵ Драма русской истории: На путях к Опричнине. – М.: Парад, 2007. – С. 882.

⁶ Жития святых, изложенные по руководству Четых-Миней св. Дмитрия Ростовского. – М., 1904. – Кн. 5. – С. 283.

лишь к неосторожным разговорам оппозиционного толка. По этому делу последовал ряд казней, также в Коломну был сослан конюший боярин Иван Фёдоров-Челяднин, крайне популярный в народе своей неподкупностью и судейской добросовестностью (незадолго перед тем он доказал свою верность царю, выдав подосланного к нему польского агента с грамотами от короля).

Летом 1568 года Челяднин-Фёдоров был обвинён в том, что якобы с помощью своих слуг собирался свергнуть царя. Фёдоров и 30 человек, признанные его сообщниками, были казнены. В царском Синодике опальных по этому поводу записано: «Отделано <то есть убито – жаргонный термин опричников>: Ивана Петровича Федорова; на Москве отделаны Михаил Колычев да три сына его; по городам – князя Андрея Катырева, князя Фёдора Троекурова, Михаила Лыкова с племянником». Их поместья были разгромлены, все слуги перебиты: «Отделано 369 человек и всего отделано июля по 6-е число (1568)». По мнению Р. Г. Скрынникова, «Репрессии носили в целом беспорядочный характер. Хватали без разбора друзей и знакомых Челяднина, уцелевших сторонников Адашева, родню находившихся в эмиграции дворян и так далее. Побивали всех, кто осмеливался протестовать против опричнины». В подавляющем большинстве они были казнены даже без видимости суда, по доносам и оговорам под пыткой. Фёдорову царь собственноручно нанёс удар ножом, после чего опричники его изрезали своими ножами.⁷

При этом есть свидетельства, что приказы о казнях и пытках отдавались нередко в церкви. Историк Г. П. Федотов считает, что «не отрицая покаянных настроений царя, нельзя не видеть, что он умел в налаженных бытовых формах совмещать зверство с церковной набожностью, оскверняя самую идею православного царства».⁸

В 1569 году умер двоюродный брат царя князь Владимир Андреевич Старицкий (предположительно, по слухам, по приказу царя ему принесли чашу с отравленным вином и приказанием, чтобы вино выпили сам Владимир Андреевич, его жена и их старшая дочь). Несколько позднее была убита и мать Владимира Андреевича, Ефросинья Старицкая, неоднократно встававшая во главе боярских заговоров против Ивана IV и неоднократно помилованная им же.

В Тверском Отрочем монастыре в декабре 1569 Малюта Скуратов лично задушил митрополита Филиппа, отказавшегося благословить поход на Новгород. Род Колычёвых, к которому принадлежал Филипп, подвергся преследованию; некоторые из его членов были казнены по приказу Ивана.

Что мы видим на этом промежутке правления Иоанна, который позже войдет в историю как знаковая веха его руководства страной? Его мнительность, подозрительность, вечное чувство измены и предательства и, как следствие, – массовые репрессии на головы тех, кто так или иначе, прямо или косвенно, реально или потенциально, может или захочет лишить его власти, данной ему Богом.

Те же самые черты свойственны Сталину.

Началось все еще в 1922 году, когда между ним и Троцким развернулся первый этап борьбы за кресло Генерального секретаря ЦК ВКП (б). Ему тогда удалось отодвинуть Троцкого, но и сам его политический оппонент, и его приближенные оставались живы, что не могло не внушать Сталину опасения на протяжении долгих лет. Терпение лопнуло в 1934 году – когда был убит друг Сталина, первый секретарь Ленинградского обкома КПСС Сергей Киров.

Понимая, что и он сам может стать мишенью оппозиции, Сталин начинает нещадно бороться с теми, кто внушает ему недоверие и страх.

⁷ Скрынников Р. Г. Иван Грозный. – М., АСТ, 2001.

⁸ Федотов Г. П. Святой Филипп митрополит Московский. – Париж, 1928.

В 1936—1938 годах состоялись три больших открытых процесса над бывшими высшими деятелями ВКП (б), которые были в 20—30-е годы связаны с троцкистской или правой оппозицией. За рубежом их называли «Московскими процессами» (англ. Moscow Trials).

Обвиняемым, которых судила Военная коллегия Верховного суда СССР, вменялось в вину сотрудничество с западными разведками с целью убийства Сталина и других советских лидеров, роспуска СССР и восстановления капитализма, а также организация вредительства в разных отраслях экономики с той же целью.

Первый Московский процесс над 16 членами так называемого «Троцкистско-Зиновьевского Террористического Центра» состоялся в августе 1936. Основными обвиняемыми были Зиновьев и Каменев. Помимо прочих обвинений, им инкриминировалось убийство Кирова, и заговор с целью убийства Сталина.

Второй процесс (дело «Параллельного антисоветского троцкистского центра») в январе 1937 года прошёл над 17 менее крупными руководителями, такими, как Радек, Пятаков и Сокольников. 13 человек были расстреляны, остальные отправлены в лагеря, где вскоре умерли.

Третий процесс над 21 членом так называемого «Право-троцкистского блока» состоялся 2—13 марта 1938 года Главными обвиняемыми на нём были Николай Бухарин – бывший член Политбюро и глава Коминтерна, и Алексей Рыков – бывший член Политбюро и председатель СНК, которые в 1928—29 гг. были лидерами «правой оппозиции» в ВКП (б). Остальные – Г. Г. Ягода, Х. Г. Раковский, Н. Н. Крестинский, М. А. Чернов и другие. Их обвинили «в том, что они по заданию разведок враждебных Советскому Союзу иностранных государств составили заговорщическую группу под названием „право-троцкистский блок“, поставившую своей целью шпионаж в пользу иностранных государств, вредительство, диверсии, террор, подрыв военной мощи СССР, провокацию военного нападения этих государств на СССР, расчленение СССР и отрыв от него Украины, Белоруссии, Средне-Азиатских республик, Грузии, Армении, Азербайджана, Приморья на Дальнем Востоке – в пользу упомянутых иностранных государств, наконец, свержение в СССР существующего социалистического общественного и государственного строя и восстановление капитализма, восстановление власти буржуазии». Все подсудимые были признаны виновными и, кроме троих, расстреляны.

Но не только политические оппоненты, но и крупные силовики внушали Сталину подозрение в измене. Не всегда, кстати, пустое...

...Еще в 1925 году на квартире у старшего брата Куйбышева собрались военные. Был Фрунзе. Был Тухачевский, будущий маршал Советского Союза. И к ним туда запросто заглянул Сталин. Тухачевский, которому было тогда 32 года, задавал тон общей беседе, напирая на то, что сотрудничество с немцами – дело опасное. Сталин, решивший поддержать разговор, спросил: «А что плохого, что немцы к нам ездят? Ведь наши тоже ездят туда». На что Тухачевский холодно бросил: «Вы человек штатский. Вам это понять трудно». Старший Куйбышев поспешил перевести разговор на другое.

Нетрудно увидеть, что вчерашний юнкер Александровского училища вел себя в присутствии двух выдающихся революционеров и государственных деятелей, мягко говоря, некорректно и невоспитанно. Ясно также, что это делалось преднамеренно, и ясно, для чьего одобрения. Портреты председателя Реввоенсовета Л. Д. Троцкого тогда еще висели в помещении штабов и управлений всех степеней. Карьера Тухачевского не пострадала. Он стал со временем самым молодым маршалом. Но ему этого было мало, и он этого скрыть не мог. Мнение о Тухачевском как о беспринципном карьеристе было всеобщим как в стране, так и в эмиграции.

Первым сделал Тухачевского «заговорщиком» Дзержинский. Знаменитая игра с эмиграцией – операция «Трест» – отвела Тухачевскому роль главного руководителя воен-

ным заговором. Эта легенда всеми была воспринята как вполне правдоподобная. Ему это, видимо, нравилось. Молодой маршал был легкомысленным. Он с удовольствием исполнял роль красавца и героя-любовника, не обращая внимания на то, что среди его фавориток агентов НКВД было «пруд пруди».

Он не кончал Академии Генштаба, что не укладывается в голове любого серьезного человека, рассматривающего его как крупного военачальника, но писал много статей о военной стратегии в эпоху революции – сам учил всех остальных теории военного искусства, хотя до своего головокружительного взлета не командовал даже ротой. Еще он увлекался музыкой и собственноручно изготовлял скрипки. Короче говоря, это была выдающаяся личность. По крайней мере эта личность была у всех на устах. Сталин такими людьми не швырялся, но, разумеется, слепо доверять ему он не мог. И правильно делал.

План захвата Кремля готовился с 1934 г. и намечался на 1936 г., «когда Гитлером будет завершена подготовка к войне». Главную роль здесь играли: М.Н.Тухачевский, И.Э.Якир, И.П.Уборевич, Я.Б.Гамарник, Н.Г.Егоров (командир училища кремлевских курсантов, находящегося на территории Кремля), Б.С.Горбачёв (замначальника московского гарнизона), А. Енукидзе, Р.А.Петерсон (комендант Кремля до 1935 г.), Паукер, Бубнов. Есть признания Тухачевского, что в организацию правых он был вовлечен еще в 1928 г. Енукидзе и с 1934 г. был лично связан с Бухариным, Ягодой, Караханом и др. За день до этого, 27 мая 1937 года, он признавался, что связь с правыми поддерживалась через Горбачёва и Петерсона, которые были связаны с Енукидзе, Ягодой, Бухариным и Рыковым. Корк утверждал на следствии: «Я с Тухачевским еще в 1931 году вел разговор в отношении переворота в Кремле, Тухачевский мне заявил, что то, о чем я первоначально узнал от Енукидзе в июне 1931 года, т.е. о том, что правыми намечен контрреволюционный переворот в Кремле, опираясь на школу ВЦИК, что в это дело втянуты Петерсон, Горбачёв и Егоров, – Тухачевский мне подтвердил, что мы должны предусмотреть как первый шаг в конечном плане наших действий, – это переворот в Кремле». Тухачевский эти показания Корка отрицал, но как? Он заявил, что о подготовке «дворцового переворота» он узнал в 1934 году, и не от Корка, а от Горбачёва.⁹

Уборевич утверждал, что так называемые заговорщицкие сборища у Тухачевского были просто посиделками с женами за чашкой чая. Он в то же время подтвердил, что антисоветские настроения у группы лиц, формирующихся вокруг Тухачевского, постоянно росли. Уборевич утверждал, что решающий разговор возник у него с Тухачевским в 1935 г. Тогда Тухачевский заявил, что на троцкистов и правых надо смотреть как на попутчиков, а в действительности он думает о своей личной диктатуре.

Так называемые заговорщики действовали крайне неряшливо и неорганизованно. Заговор их больше похож на чесание языками в кругу амбициозных, недовольных, но недостаточно искушенных для такого дела людей. Свою тоску по «свержению Сталина» наши «заговорщики» готовы были изливать перед всеми, кто готов был их слушать: перед офицерами рейхсвера, которые не оставались в долгу, поскольку сами думали о заговоре против Гитлера, перед женами и любовницами.

Сталину вся эта болтовня разгромленной оппозиции и политиканствующих военных была хорошо известна. Версия Шелленберга о том, что они с Гейдрихом с одобрения Гитлера передали (даже продали) через Бенеша информацию о заговоре Сталину, отрицалась компетентными людьми в Германии (Шпальке) и у нас (Судоплатовым). Есть мнение, что и сами мемуары Шелленберга – это одна из многих фальшивок Интеллидженс сервис, которые эта служба Британии постоянно практикует в качестве идеологических инструментов своей политики. Шелленберг мемуары написать не успел. Их написали за него уже после его смерти.

⁹ https://kprf.ru/rus_soc/74333.html

Наше представление о происходящем тогда подтверждается и самим ходом тех событий.

После развенчания незадачливого Енукидзе, замены Петерсона и установления контроля над Ягодой со стороны КПК обсуждения плана государственного переворота на время прекратились. Руководители заговора, уверенные, что СССР в военном отношении Германии противостоять не сможет, решили подождать начала войны. Тухачевский, по словам Уборевича, выдвинул в 1935 году новый вариант государственного переворота в виде военного мятежа, когда начнутся военные действия. Но после процесса над «параллельным центром» в январе 1937 г. Тухачевский начал торопить с государственным переворотом, заподозрив, и, видимо, не без основания, что Сталину все известно.

По версии А. Орлова (руководителя военной разведки в Испании, перебежавшего на запад), как ее излагает наиболее объективный исследователь этой истории Ю.В.Емельянов, события развивались следующим образом.

Некий работник НКВД Штейн якобы обнаруживает в архивах документы о связи Сталина с царской охранкой и отвозит их в Киев, где показывает главе НКВД Украины Балицкому, который знакомит с ними Якира и Косиора. В курсе дела зам. Балицкого Кацнельсон, который, будучи двоюродным братом Орлова, информирует его об этом деле в феврале 1937 года. Тем временем Якир ставит в известность Тухачевского, Гамарника и других участников заговора. Возникает план: убедить под каким-нибудь предлогом Ворошилова устроить конференцию по военным проблемам и собрать таким образом в Москве всех заговорщиков, объявить Сталина провокатором и арестовать. Но они опять начали тянуть и позволили Ежову в марте—апреле завершить чистки в НКВД. Оставался последний шанс 1 мая 1937 года...

Но не успели! Арестовали всех. И, нетрудно догадаться, вскоре благополучно расстреляли.

Что же мы молчим о третьем нашем герое? Он тоже знаменит резкими движениями в адрес политических оппонентов, которых у него было предостаточно с самого рождения.

Прозвище Дракул (рум. Dracul, то есть «дьявол» или, по ассоциации, «дракон») было унаследовано Владом III от отца, Влада II. Влад II являлся рыцарем ордена Дракона, созданного в 1408 году королём Венгрии (а впоследствии императором Священной Римской Империи) Сигизмундом I Люксембургом и королевой Барбарой по образцу венгерского ордена Святого Георгия. Рыцари ордена носили медальоны и подвески с изображением свернувшегося в кольцо золотого дракона, и Влад II при посвящении в рыцари в 1431 году также получил из рук короля медальон (орден) с драконом.¹⁰ Став господарём Трансильвании в 1436 году, Влад II поместил изображение дракона на золотые монеты, которые чеканил от своего имени и которыми принудительно заменял прежние деньги, а также на личную печать и свой геральдический щит, что стало причиной появления прозвища, которое затем унаследовал Влад III.

В молодости Влад III звался Дракул (рум. Dracul), унаследовав прозвище отца без каких-либо изменений. Однако позднее (в 1470-е годы) стал указывать своё прозвище с буквой «а» на конце, поскольку к тому времени оно получило наибольшую известность именно в такой форме.

Существует мнение, что «Dracula» в переводе с румынского означает «сын дракона», однако румынские историки отрицают, что «а» на конце могла придавать слову дополнительное значение по сравнению со словом «Dracul».¹¹

¹⁰ Rezachevici C. From the Order of the Dragon to Dracula // Journal of Dracula Studies. 1 (1999).

¹¹ Stefan Andreescu Vlad Tepes (Dracula) intre legenda si adevar istoric. Bucharest, 1976.

Прозвище Цепеш появилось через 30 лет после смерти Влада. Это был перевод прозвища, полученного князем от турок и звучавшего как Казыклы (тур. Kazıklı от слова тур. kazık [казык] – «кол»).

При жизни Влад III не именовался Кольщиком ни в Валахии, ни в Венгрии, ни в других европейских странах. Впервые это прозвище встречается в валашских документах 21 января 1506 года, где сказано «Влад воевода, которого именуют Цепеш». Прозвище «Цепеш» происходит от рум. #eară [ц'ăпэ] – что означает «кол».

В Средние века Трансильвания принадлежала Венгерскому королевству, но сейчас дом, в котором жил Дракула вместе с отцом, матерью и старшим братом, расположен на территории Румынии по адресу: г. Сигишоара, ул. Жестянщиков, 5.

Летом 1436 года отец Дракулы занял валашский престол и не позднее осени того же года перевёз семью из Сигишоары в Тырговиште, где в то время находилась столица Валахии.

Весной 1442 года отец Дракулы поссорился с Яношем Хуньяди, являвшимся в то время фактическим правителем Венгрии, в результате чего Янош решил поставить в Валахии другого правителя – Басараба II.

Летом 1442 года отец Дракулы поехал в Турцию к султану Мурату II просить помощи, однако вынужден был остаться там на 8 месяцев. В это время в Валахии утвердился Басараб II, а Дракула с остальной семьёй скрывались.

Весной 1443 года отец Дракулы вернулся из Турции вместе с турецкой армией и сместил Басараба II. Янош Хуньяди не стал этому препятствовать, поскольку готовился к крестовому походу на турок. Поход начался 22 июля 1443 года и длился вплоть до января 1444 года.

Весной 1444 года начались переговоры о перемирии между Яношем Хуньяди и султаном. К переговорам присоединился отец Дракулы, в ходе которых Янош согласился, что Валахия может оставаться под турецким влиянием. В то же время султан, желая быть уверенным в преданности «валашского воеводы», настоял на «залоге». Под словом «залог» подразумевалось, что к турецкому двору должны приехать сыновья «воеводы» – то есть Дракула, которому на тот момент было около 14 лет, и его брат Раду, которому было около 6 лет.

Переговоры с отцом Дракулы завершились 12 июня 1444 года. Дракула и его брат Раду отправились в Турцию не позднее конца июля 1444 года.

В июле 1444 года, когда отец Дракулы отвёз сыновей к султану, турки и венгры подписали окончательный вариант договора о перемирии на 10 лет, но уже 4 августа венгры начали готовить новый крестовый поход.

В сентябре отряды Яноша Хуньяди вступили на турецкую территорию. 10 ноября 1444 года состоялась решающая битва между крестоносцами и турками под городом Варной. Победа досталась туркам, а Янош Хуньяди попал в руки к отцу Дракулы и находился у него около месяца, после чего беспрепятственно уехал.¹²

Летом 1445 года отец Дракулы, желая помириться с Хуньяди, согласился, чтобы валашские воины приняли участие в небольшой военной операции против турок, длившейся с июля по октябрь. Была захвачена крепость Джурджу возле Дуная, но отношения с венграми от этого не улучшились, так что в декабре 1446 года Янош Хуньяди совершил поход в Валахию, чтобы опять утвердить там своего князя – на этот раз Владислава II. Отцу Дракулы по приказу Хуньяди отрубили голову, а старшего брата Дракулы похоронили заживо.

Султан, узнав об этом, начал готовиться к новой войне с венграми. Решающее сражение состоялось в Сербии на Косовом поле 17—19 октября 1448 года. Победа снова досталась

¹² История Венгрии в 3-х томах / Ред. коллегия: Т. М. Исламов и др. – М.: Наука, 1971—1972 г.

туркам, после чего в ноябре 1448 года Дракула с помощью турок стал валашским князем, сменив венгерского ставленника Владислава.

«Султан одарил его (Дракулу) деньгами, конями, одеждой, великолепными шатрами, которые подобает иметь господарю, и как можно скорее отправил в Валашскую землю, чтобы он правил вместо своего отца. <...> Младшего же его брата он оставил при своем дворе».¹³

Осенью 1448 года Дракула вместе с турецкими отрядами, одолженными султаном, вошёл в валашскую столицу – Тырговиште. Когда именно это случилось, точно не известно, но есть письмо Дракулы от 31 октября, где он подписывается как «воевода Валахии».

Сразу же по восшествии на трон Дракула начинает расследование событий, связанных с гибелью своего отца и брата. В ходе расследования он узнаёт, что не менее 7 бояр, служивших его отцу, поддержали князя Владислава, за что получили различные милости.

Тем временем Янош Хуньяди и Владислав, проигравшие сражение на Косовом поле, прибыли в Трансильванию. 10 ноября 1448 года Янош Хуньяди, находясь в Сигишоаре, объявил, что начинает военную кампанию против Дракулы, назвав его «нелегитимным» правителем. 23 ноября Янош был уже в Брашове, откуда с войском двинулся в Валахию. 4 декабря он вошёл в Тырговиште, но Дракула к тому времени уже уехал.¹⁴

У историков нет точных данных, куда направился Дракула сразу, как покинул Тырговиште. Известно, что в итоге он оказался в Молдавии, однако появление в Молдавии в ноябре 1448 года могло быть для Дракулы опасным, поскольку там находился венгерский военачальник, подчинявшийся Яношу Хуньяди. Этот военачальник поддерживал князя Петра II, женатого на одной из младших сестёр Яноша Хуньяди, но Пётр внезапно умер, а венгры оставались в Молдавии, чтобы не дать ей перейти под польское влияние.

Ситуация изменилась после марта 1449 года, когда на молдавский трон сел князь Алексэндрел, двоюродный брат Дракулы, поддерживаемый не Яношем, а польским королём.

12 октября 1449 года на молдавском троне утвердился князь Богдан II, с чьим сыном – будущим молдавским князем Штефаном Великим – Дракула был дружен, однако положение Дракулы при молдавском дворе стало сложным, поскольку Богдан вступил в переговоры с Яношем Хуньяди.

11 февраля 1450 года Богдан издал грамоту, где отдавал себя в полное подчинение Яношу и обещал быть «другом его друзей и врагом его врагов», однако к высылке Дракулы из Молдавии это не привело.

5 июля 1450 года Богдан подтвердил соглашение с Яношем новой грамотой, где те же условия были изложены более подробно – в том числе условие, что Хуньяди должен оказывать молдавскому князю военную помощь, а в случае необходимости предоставить политическое убежище.

Вопреки договорённости, осенью 1450 года Богдан не получил от Венгрии помощь против поляков. Тем не менее, его сын Штефан смог получить убежище на венгерской территории, в Трансильвании, после того, как Богдан был убит новым молдавским князем Петром Ароном в октябре 1451 года.

Дракула поехал в Трансильванию вместе со Штефаном, а в феврале 1452 года был изгнан оттуда по приказу Яноша Хуньяди.

В письме к жителям Брашова от 6 февраля 1452 года Янош говорит о своём намерении лишить Дракулу возможности жить не только в Трансильвании, но и в Молдавии. Тем не менее, Дракула вернулся в Молдавию, где в это время снова пришёл к власти его двоюродный брат Алексэндрел.

¹³ Записки янычара – М.: Издательство «Наука», 1978 г.

¹⁴ Nicolae Stoicescu Vlad Tepes – Editura Academiei Republicii Socialiste Romania, 1976.

В феврале 1453 года Янош Хуньяди заключил с Алексэндрелом такое же соглашение, как в своё время с Богданом. Алексэндрел обещал подчиниться Яношу и жениться на его внучке, но договор не был выполнен.

Дракула покинул Молдавию лишь в мае 1455 года, когда князя Алексэндрела сверг Пётр Арон, который несколькими годами ранее (осенью 1451 года) убил Богдана.

В 1456 году Дракула находился в Трансильвании, где собрал армию добровольцев, чтобы отправиться в Валахию и снова занять престол. Вот тут важно проиллюстрировать сходство наших героев. Как в 1922 году Сталин объединился с Зиновьевым и Каменевым против Троцкого (чтобы потом убить их всех), как в 1566 году Иван Грозный объединился в Опричнину со знатными боярами против основной части землевладельцев (о чем также забыл уже в 1571 году), так и Дракула объединился с некоторыми своими политическими оппонентами. Одним из них был Мане Удрище.

Первые сведения о боярине с прозвищем Удрище встречаются в грамоте, изданной не позднее 1445 года, так что можно с уверенностью утверждать – этот человек сделал карьеру именно благодаря отцу Дракулы. Мане Удрище в грамоте упомянут вместе со своим братом Стояном (он же Стойка). Оба брата названы как участники княжеского совета.

Иногда эту грамоту датируют 1439—1440 годами, а значит, Мане Удрище мог начать службу не в 1440-х годах, а раньше – вскоре после того, как отец Дракулы сделался князем – или ещё раньше, то есть в те времена, когда отец Дракулы жил с семьёй в Сигишоаре и являлся только кандидатом на трон.

В Средние века в Румынии было принято, что всякий кандидат в князья собирал вокруг себя горстку доверенных лиц из боярской среды, которые помогали ему вести дела, касающиеся политики. Эти люди не имели ни денег, ни связей, но обладали полезными талантами – например, умением красиво говорить, стратегическим мышлением, способностью грамотно излагать мысли на бумаге и т. д. Если кандидат становился князем, то все его помощники, которые до того момента служили бесплатно, получали должности при дворе, землю и другие милости.

Возможно, среди доверенных лиц отца Дракулы, собиравшихся в Сигишоаре, оказался и Мане Удрище, но даже если он пришёл на службу на несколько лет позже, всё равно можно говорить о том, что сам Дракула помнил «дядю Мане» с детства.

Также не подлежит сомнению, что в 1440-х годах Мане Удрище с младшим братом Стояном хоть и утвердились в княжеском совете, однако не играли там серьёзной роли.

О положении этих двух бояр можно судить, если вспомнить те правила, по которым составлялись средневековые румынские грамоты и указы. Мало того, что в тексте следовало перечислить всех бояр, присутствовавших на княжеском совете в день издания грамоты, но также требовалось соблюсти порядок перечисления – чем знатнее человек, тем ближе к началу списка. Вот почему тот факт, что Мане Удрище с братом в грамоте отца Дракулы упоминаются в самом-самом конце списка, говорит о многом.

Конечно, Мане Удрище считал себя обделённым, и смириться с этим не желал. Ему хотелось продолжить карьеру, и брат Стоян, скорее всего, держался того же мнения, однако оба брата понимали, что ждать новых милостей от отца Дракулы вряд ли следует.

Затем произошли достопамятные события декабря 1446 года, когда венгр Янош Хуньяди пришёл в Румынию с войском, велел, чтобы отцу Дракулы отрубили голову, а на освободившемся троне устроил Владислава – мы к ним еще вернемся, и не раз.

Мане Удрище поддержал венгерского ставленника, причём оказал ему какую-то очень ценную услугу, потому что влияние Мане в княжеском совете резко возросло. Во всех грамотах Владислава, где упоминается Мане Удрище, этот боярин всегда стоит первым в списке участников совета. Был последним, а стал первым! Такие перемены не происходят просто

так! Что касается Стояна, то он стал начальником конницы наряду с другим боярином – Димитром.

Со сменой князя карьерные амбиции Мане были удовлетворены. Мане сделался самым влиятельным боярином в совете, а более высокой должности просто не существовало. Мысли этого человека больше не были заняты заботами о материальном и, что вполне естественно, переключились на духовное.

В грамоте от 2 января 1450 года сказано, что Мане Удрище дарит монастырю под названием Козия водяную мельницу. Чем вызвана такая щедрость, не уточняется, и это довольно странно, поскольку в той же грамоте очень подробно рассказывается история, как боярин Казан и его брат Раду решили сделать монастырю дар.

Казан и Раду пожелали, чтобы настоятель Иосиф включил в «монастырский поминальник» всю их семью, а именно: их отца Радула, их мать Стану, самих Казана и Раду, а также их покойного брата Сахака. Казан и Раду просили для себя и родичей «вечного поминовения», а взамен подарили водяную мельницу и «место под келью», чтобы кто-то из монахов мог жить рядом с мельницей и следить за ней.

В грамоте сообщается, что Казан и Раду попросили государя Владислава заверить этот договор между ними и монастырём, дабы и следующий настоятель помнил о том, кого нужно помянуть – в общем, подробностей куча, и в этой куче как-то странно выглядит одинокая фраза, что ещё одну водяную мельницу дарит боярин Мане Удрище.

Складывается впечатление, что мысль о пожертвовании возникла у Мане внезапно, когда он, присутствуя на совете, услышал просьбу Казана и Раду. «Ну и от меня припишите мельницу», – наверное, сказал Мане, которому вдруг захотелось сделать доброе дело, а вот что за грехи он стремился искупить этим благодеянием, не сказал.

Суля по всему, дарение мельницы не очень помогло, и совесть продолжала мучить Мане, так что не позднее 1455 года он начал переговоры с Дракулой.

То, что инициатива в этих переговорах исходила именно от Мане, а не от Дракулы, можно утверждать почти наверняка, ведь мы знаем, как Дракула относился к Яношу Хуньяди, погубителю его отца – примирение так и не состоялось. Так с чего бы Дракуле искать примирения с кем-либо из бояр-предателей?

То, что переговоры действительно состоялись, сомневаться не приходится, потому что из всех бояр, предавших отца Дракулы, Мане Удрище и его брат Стоян оказались единственными, кто упоминается в грамотах самого Дракулы. Остальные предатели (12 человек) не упоминаются у Дракулы ни разу. Не упоминаются они и в грамотах последующих государей. Эти бояре просто исчезли, а что с ними случилось, понятно – их посадили на кол.

Так почему же Мане Удрище и Стоян избежали этой участи? Ответ только один – они помогли Дракуле вернуть власть и рассказали о подробностях боярского заговора, которые нельзя было узнать, изучая архивы.

Важно и то, что Мане Удрище с братом Стояном раскаялись вовремя, ведь очевидно, что осенью 1456 года, когда Дракула уже сверг Владислава, остальные бояре-предатели также пытались вымолить себе прощение. 12 прежде не раскаявшихся заговорщиков пустили слезу и говорили, что сожалеют, но было слишком поздно. Мане Удрище и Стоян раскаялись заранее – не позднее 1455 года – и потому выжили.

Неизвестно, как проходил разговор Мане с Дракулой, когда боярин приехал к сыну своего бывшего государя первый раз, однако итоги известны.

Дракула согласился принять помощь от Мане, но поставил условие: «Никого из предателей моего отца я больше не прощу – прощаю только тебя и твоего брата – поэтому если станешь перетягивать на мою сторону кого-то из бояр Владислава, перетягивай только тех, кто поступил к нему на службу недавно и не запятнал себя предательством».

Мане вернулся к румынскому двору и начал вести там «подрывную деятельность» – переговорил с несколькими боярами из княжеского совета, предлагая перейти на службу к Дракуле.

Как Мане и обещал своему новому господину, он говорил только с боярами-новичками и в итоге завербовал несколько человек. Эти бояре упоминаются в грамотах Дракулы:

1) Казан Сахаков – тот самый, который в 1450 году дарил водяную мельницу монастырю Козия, а своё прозвище получил по имени умершего брата. Некоторые исследователи пишут, что Казан служил начальником канцелярии у князя Александру Алдя в 1431—1436 годах, а также у отца Дракулы в 1445 году, однако в грамотах тех времён Казан упоминается без прозвища, так что, скорее всего, начальником канцелярии был другой боярин с таким же именем, а Казан Сахаков до Владислава никому не служил.

2) Стан Нэгрев – сын боярина Нэгри, служившего начальником конницы у князя Дана. Сам Стан Нэгрев до Владислава никому не служил.

3) Дука – происходил из греческой семьи. До Владислава никому не служил.

Подрывная деятельность Мане продолжалась вплоть до весны 1456 года, а затем началась подготовка государственного переворота.

В грамоте от 15 апреля 1456 года, составленной незадолго до того, как Владислав был свергнут Дракулой, осталось свидетельство, что Мане Удрище не присутствовал на совете в тот день. Вместо Мане там заседал его сын Драгомир Удрище, а сам боярин, очевидно, поехал к Дракуле в Трансильванию, чтобы отчитаться в проделанной работе и последний раз обговорить все детали предстоящего захвата власти.

Дракула пришёл к власти в августе 1456 года, а боярин Мане Удрище последний раз упоминается в грамоте от 16 апреля 1457 года. Его младший брат Стоян последний раз упоминается 20 сентября 1459 года. Исследователь М. Казаку в своей книге «Дракула» намекает, что эти бояре исчезли из грамот потому, что были казнены.¹⁵

В это время (с февраля 1456 года) в Трансильвании находилась делегация францисканских монахов во главе с Джованни да Капистрано, которые тоже собирали добровольческую армию, чтобы освободить Константинополь, захваченный турками в 1453 году. Францисканцы не брали в поход православных, чем пользовался Дракула, привлекая отвергнутых ополченцев в свои ряды.

Также в 1456 году в городке Джоаджу (рум.) на юго-западе Трансильвании на Дракулу было совершено покушение. Инициаторами стали Янош Гереб де Вингард, являвшийся дальним родственником Яноша Хуньяди, и Николае де Визакна, состоявший у Хуньяди на службе.

В апреле 1456 года по Венгрии распространился слух, что к южным границам государства подступает турецкая армия во главе с султаном Мехмедом, которая пойдёт на Белград.

3 июля 1456 года в письме, адресованном трансильванским саксам, Янош Хуньяди сообщил, что назначил Дракулу защитником трансильванских областей.

После этого Янош, уже находившийся в полутора днях пути от Белграда, начал готовиться к прорыву турецкой блокады, кольцо которой сомкнулось 4 июля. К Белграду также последовало ополчение, собранное монахом-францисканцем Джованни да Капистрано, которое изначально должно было идти к Константинополю, а войско Дракулы остановилось на границе Трансильвании с Валахией.

Валашский князь Владислав, опасаясь, что в его отсутствие Дракула может занять престол, не пошёл на защиту Белграда.

¹⁵ Матей Казаку Дракула / Dracula: suivi du capitaine vampire (Переводчик: В. Удовиченко) – М.: Этерна, 2011 г. ISBN 978—5—480—00195—2, ISBN 2—84734—143—9

22 июля 1456 года турецкая армия отступила от Белградской крепости, а в начале августа армия Дракулы двинулась в Валахию. Получить власть Дракуле помог валашский боярин Мане Удрище, который заранее перешёл на его сторону и уговорил нескольких других бояр из княжеского совета при Владиславе сделать то же самое.

20 августа Владислав был убит, а Дракула стал валашским князем во второй раз. За 9 дней до этого (11 августа) в Белграде Янош Хуньяди умер от чумы.

Второе правление Дракулы длилось 6 лет и получило широкую известность за пределами Валахии.

После прихода к власти во второй раз Дракула продолжил расследование обстоятельств гибели своего отца и старшего брата. По итогам расследования было казнено более 10 бояр. Также существуют источники, которые утверждают, что число казнённых составило от 500 до 20 000 человек, но историки не нашли подтверждений этим сведениям.

Чтобы объявить боярам приговор, Дракула сначала пригласил их на пир. Румынские летописи связывают этот пир с праздником Пасхи.

По поводу даты казни у исследователей нет единого мнения. Есть основания утверждать, что казнь совершилась не позднее апреля 1457 года. Румынский историк Н. Стоическу говорит, что казнь «предположительно» состоялась в 1459 году. Историк М. Казаку называет дату – 25 марта 1459 года.

Далее необходимо остановиться на еще одной важной черте всех трех героев – это стремление к завоеваниям и военным походам. У Дракулы это, конечно, Брашов и поход в Трансильванию.

Главной причиной похода Дракулы в Трансильванию стали действия знатных жителей Сибиу. В этом городе покровительствовали младшему брату Дракулы, Владу Монаху, претендовавшему на валашский трон.

В письме от 14 марта 1457 года, отправленном в Сибиу, Дракула высказал недовольство по поводу того, что двум знатным горожанам, поддерживавшим Владу Монаха, были заранее обещаны доходы с двух крупных валашских таможен.

Также в письме содержится обвинение в том, что жители Сибиу помогли слугам Яноша Хуньяди организовать на Дракулу покушение, состоявшееся в городе Джоаджу.

В том же письме Дракула говорит, что жители Сибиу подталкивают Владу Монаха к враждебным действиям: «С вами мы заключили добрый и нерушимый мир, но если вы окажетесь мне врагами, то будете враги. Теперь я вполне понимаю, каким образом вы хотели добиться, чтобы валашский священник (то есть Влад Монах), который называет себя сыном воеводы, унаследовал всё то, что по праву моё. И если он ещё что-то против меня предпримет, то лишь потому, что вы ему это днями напролёт советуете».¹⁶

Вскоре после отправки письма Дракула выступил в поход на Сибиу, а также на Брашов, поскольку один из организаторов покушения, Николае де Визакна, происходил из Брашова.

Во время похода были разорены следующие селения:

Кастенхольц – нем. Kastenholz – современный Кашолц близ Сибиу.

Ноудорф – нем. Neudorf – современный Ноу Ромын близ Сибиу.

Хольцменген – нем. Holzmenzen – современный Хосман близ Сибиу.

Бренндорф – нем. Brenndorf – современный Бод близ Брашова.

а также другие селения в Бурценланде – нем. Burzenland – так назывались все земли Брашова в общем.

¹⁶ Documenta Romaniae Historica. Seria B. Tara Romaneasca. Volumul 5 (1551—1565) – Editura Academiei Republicii Socialiste Romania, Bucuresti, 1983

Из земель Брашова валашское войско сразу же двинулось в Молдавию, чтобы помочь взойти на трон другу Дракулы – Штефану, будущему молдавскому князю Штефану Великому.

Отношения с Брашовом во многом сформировали образ Дракулы в глазах современников. Именно этим отношениям посвящена наибольшая часть немецкого памфлета 1463 года и наибольшая часть поэмы Михаэля Бехайма «О злодее...», написанной на несколько лет позже. Реальной основой для данных литературных произведений послужили события 1456—1462 годов.

В 1448 году, заняв валашский трон в первый раз, Дракула получил приглашение посетить Брашов, но ответил, что приехать не может, поскольку приглашение исходило от Николае де Визакны, подчинявшегося Яношу Хуньяди.

В 1452 году брашовяне по приказу Яноша Хуньяди выдворили из своих земель Дракулу, приехавшего туда вместе со Штефаном из Молдавии.

В 1456 году Янош Хуньяди отправил письмо во все саксонские города Трансильвании, в том числе в Брашов. В письме говорилось, что саксонцы должны принять Дракулу, которому поручено защищать их от возможного нападения турок, а воины саксонцев должны идти к Яношу на защиту Белграда.

Придя к власти летом 1456 года, Дракула продолжил выстраивать отношения с саксонцами. В начале сентября 1456 года в Тырговиште приехали 4 представителя от Брашова. Они выступили официальными свидетелями того, как Дракула принёс вассальную клятву венгерскому королю Ласло Постуму.

В тексте вассальной клятвы были особо оговорены отношения с брашовянами:

Дракула получил право приходить на территорию Венгрии и к брашовянам в поисках политического убежища, а также «ради изгнания врагов»;

Дракула обязался «стоять в обороне против турок» и других «вражеских сил», но при возникновении серьёзных трудностей ожидал, что Венгрия и брашовяне будут оказывать ему помощь;

Брашовские купцы получили право свободно приезжать в Валахию, но должны были платить пошлину.

В это же время в Тырговиште приехал турецкий посланец, из-за чего Дракула оказался вынужден давать брашовянам объяснение по поводу целей, которые преследует в переговорах с турками.

В декабре 1456 года Ласло Хуньяди, старший сын Яноша Хуньяди, отправил брашовянам письмо, где обвинил Дракулу в неверности венгерской короне и в нарушении неких обещаний, данных ещё до прихода к власти. Также Ласло повелел брашовянам поддержать претендента на валашский престол Дана и порвать отношения с Дракулой, но брашовяне выполнили лишь первую часть приказа, так как в марте 1457 года Ласло Хуньяди был казнён венгерским королём Ласло Постумом.

В марте 1457 года Дракулой были разорены окрестности Брашова, когда он шёл из земель Сибиу в Молдавию, желая помочь своему другу Штефану занять молдавский престол.

К 1458 году отношения Дракулы с Брашовом наладились. В мае Дракула отправил брашовянам письмо с просьбой прислать мастеров и сказал, что деньги за труд прежним мастерам «полностью и честно выплатил, а также разрешил (всем) мирно и свободно вернуться». В ответ на письмо администрация Брашова отправила к Дракуле ещё 56 человек.

К данному периоду историки также относят недатированное письмо, где Дракула сообщает городской администрации Брашова, что «в знак уважения» дарит им нескольких волов и коров.

Весной 1459 года отношения снова стали напряжёнными. 2 апреля претендент Дан, который по-прежнему укрывался в Брашове, отметил в письме, что брашовяне «жаловались» ему на Дракулу. Дан пишет, что брашовских купцов, «мирно» приехавших в Валахию, Дракула ограбил и «убил, посадив на колья». Тогда Дан, считая, что скоро станет валашским князем, разрешил брашовянам в качестве компенсации за понесённый ими ущерб конфисковать товар валашских купцов, хранящийся в Брашове. Также в письме говорится, как Дракула «сжёг» 300 брашовских юношей, изучавших язык в Валахии.

Примечательно, что история о сожжении, рассказанная Даном, имеет много общего с библейским рассказом о трёх еврейских отроках, которые «учились книгам и языку» при дворе вавилонского царя Навуходоносора, а затем по приказу царя были брошены в огонь.

В апреле 1460 года состоялась битва между войсками Дракулы и Дана. Дан проиграл, попал в плен, а затем был казнён. К 22 апреля весть об этом дошла до венгерского королевского двора. Сохранилось письмо некоего Блазиуса, жившего при дворе. В письме сообщается, что людей Дана, уже убитых в бою, Дракула велел посадить на кол и так же казнил женщин, которые следовали за войском Дана и оказались пойманы.

28 апреля 1460 года Янош Гереб де Вингарт, в 1456 году устроивший неудачное покушение на Дракулу, отправил письмо брашовянам, убеждая их, что Дракула заключил союз с турками и скоро вместе с турецкой армией придёт грабить трансильванские земли. Обвинения Яноша Гереба не подтвердились.

26 мая 1460 года Николае де Визакна, тоже участвовавший в организации покушения на Дракулу, отправил письмо брашовянам, предлагая им продолжать арестовывать валашских купцов.

В июне 1460 года Дракула отправил в Брашов своего «особого советника» по имени Войко Добрица, чтобы окончательно решить вопрос о выдаче перебежчиков, укрывавшихся в городе. В письме от 4 июня Дракула обещал, что после того, как брашовяне выдадут перебежчиков, начнутся переговоры о мире.

В июле 1460 года Дракула вернул себе контроль над Фэгэрашем, до этого «занятом» сторонниками Дана. В немецком памфлете 1463 года говорится, что в ходе операции по возвращению Фэгэраша производились массовые расправы над мирным населением (Дракула «женщин, мужчин и детей велел посадить на кол»). Однако в письме в Брашов, написанном незадолго до похода, Дракула сам высказывает опасения, что брашовские воины могут «причинять зло» в Фэгэраше. Также сохранилось письмо Дракулы, написанное вскоре после похода, где Дракула требует вернуть свиней, конфискованных брашовянами у одного из жителей Фэгэраша.¹⁷

Осенью 1460 года в Бухаресте побывало брашовское посольство, которое возглавлял мэр города Брашова. Стороны договорились, что все валашские и брашовские пленные получают свободу. Также были обговорены условия мира, состоявшие из трёх параграфов и ещё трёх статей. Эти условия касались не только брашовян – Дракула заключил договор со всеми саксонцами Трансильвании, а также с секеями.

Согласно ему:

Дракула подтвердил себе право приходить в Трансильванию, чтобы разыскивать своих врагов, а жители Трансильвании, если сами обнаружат врагов Дракулы, обязались передавать их ему;

Дракула заключил военный союз с саксонцами и секеями, чтобы защищать Венгерское королевство от нападения турок и от молдавского князя. Саксонцы и секеи обещали предоставлять Дракуле 4 000 вооружённых воинов, если он попросит;

¹⁷ С.С. Giurescu «O biserica a lui Vlad Tepes la Tarsor» – Buletinul Comisiunii Monumentelor Istorice, 1924, №17 (Aprilie-Iunie), p. 74—75

Дракула обещал, что не пропустит через свои земли никого, кто хотел бы напасть на Трансильванию;

Дракула желал получить письменное подтверждение, что условия мира будут выполнены;

Дракула желал особых подтверждений о военной помощи;

Дракула желал, чтобы брашовяне возместили ему материальный ущерб, который нанесли с июля 1460 года, когда уже действовало перемирие.

Если говорить об Иване Грозном, то его походы также отличаются значительной экспансией и жестокостью.

После распада Золотой Орды ближайшими соседями Руси стали Казанское и Астраханское ханства. Удачное расположение – на Волжском торговом пути – создавало постоянную угрозу для внешней торговли Руси. Бесконечные пограничные стычки, разорение приграничных поселений заставило Ивана IV решиться на завоевание Казанского ханства. Первый Казанский поход состоялся зимой 1547 года. Однако царское войско до Казани даже не дошло – из-за оттепели на переправе через Волгу в окрестностях Нижнего Новгорода утонула часть войска и практически все пушки. Поход пришлось завершить. Второй Казанский поход оказался удачнее. Несмотря на то, что Казань по-прежнему оставалась в руках татар, часть территорий ханства все же удалось подчинить.

Второй поход оказался продолжительнее первого – он проходил с осени 1549 по весну 1550 гг. В результате неподалеку от Казани по приказу царя была возведена крепость Свияжск. Она стала опорным пунктом для последующего, победоносного похода. Две первые попытки решить военным путем проблемы с совершавшими набеги соседями показали всю слабость и несостоятельность русского войска. Именно эти походы и стали толчком к пониманию необходимости проведения военных реформ. Третий Казанский поход начался летом 1552 года. К Казани 150-тысячное царское войско подошло хорошо подготовленным и вооруженным. Имея 150 крупных пушек и хорошую инженерную команду, армия была готова к осаде Казани. Под высокие стены Казанского кремля было сделано несколько подкопов, в которые саперы заложили бочки, наполненные порохом. Взрывы проделали бреши в стенах – и в результате долгого и тяжелого штурма Казань была взята, а хан Едигет-Магмет захвачен в плен.

В честь взятия Казани в Москве начато строительство Покровского собора, сейчас больше известного как собор Василия Блаженного. Дошла до наших дней и икона, написанная в честь этого события – «Благословенно воинство небесного царя», которая хранится в Третьяковской галерее. Однако взятие Казани не означало полного уничтожения и разорения Казанского ханства.

Дальновидный политик, Иван Грозный постарался сохранить управляющую структуру захваченных земель. Наместником Казани был назначен князь Горбатый-Шуйский, а помощником его – Василий Серебряный. Царь пригласил к себе на службу всю татарскую знать, пообещав сохранить их прежние статусы. Это решение не только позволило не оставлять в Казани большое войско для усиления власти, но и помогло новым землям органично влиться в состав русского государства. Подобная политика имела и еще одно немаловажное последствие – после казанского похода сибирский хан Едигер добровольно попросился «под руку» царя, согласившись стать данником Руси.

После успешного взятия Казани Иван Грозный решил устранить вторую угрозу – со стороны Астраханского ханства. Ханство контролировало нижнюю часть Волги, создавая угрозу как для внешней торговли, так и для приграничных земель Руси. Первый Астраханский поход состоялся в 1554 году. Выступивший навстречу русскому войску отряд астраханского хана был разбит наголову, в результате столица ханства взята без боя. Но на тот момент присоединять земли ханства царь Иван IV посчитал нецелесообразным. Новым ханом при

активной поддержке Руси стал Дервиш-Али, пообещавший хранить верность Ивану Грозному. Однако обещания свой новый хан не сдержал и спустя год открыто перешел на сторону крымского хана, поддерживавшего Османскую империю – вечного врага Руси. Царь Иван Грозный в 1556 году решается на второй поход. Русское войско, усиленное донскими казаками, вновь подчистую разбило армию астраханского хана. Астрахань опять была сдана без боя – защитников у города не осталось. Этот поход подчинил ханство Руси, добавив к территории царства новые земли.

В результате первых победоносных походов – Казанских и Астраханских – территории Русского царства значительно расширилась, а влияние Ивана Грозного простиралось вплоть до Кавказских гор. В 1559 году Черкасские и Пятигорские князья попросили Ивана IV о защите их княжеств от посягательств крымского хана; таким образом зона влияния царя распространилась и на часть Кавказа. Помимо внешнеполитических последствий, успех первых походов оказал большое влияние и на внутреннюю политику. Авторитет Ивана IV вырос чрезвычайно, укрепив власть молодого царя. Кроме того, на захваченных и присоединенных землях начало быстро распространяться православие – вопросам веры царь уделял большое внимание.

В декабре 1569 года, подозревая новгородскую знать в соучастии в «заговоре» недавно убитого по его приказу князя Владимира Андреевича Старицкого и одновременно в намерении передаться польскому королю Сигизмунду II Августу, Иван Грозный в сопровождении большого войска опричников выступил против Новгорода.

Поводом к этому послужил донос, поданный неким бродягой, волынцем Петром, за что-то наказанным в Новгороде, и обвинявший новгородцев во главе с архиепископом Пименом в намерении посадить на престол князя Владимира Старицкого и передать Новгород и Псков польскому королю. В. Б. Кобрин считает, что «донос был откровенно нелеп и противоречив», так как новгородцам приписывались два несовместимых стремления.

Двинувшись на Новгород осенью 1569 года, опричники устроили массовые убийства и грабежи в Твери, Клину, Торжке и других встречных городах (документально подтверждается убийство 1505 человек, в основном – сидевших по темницам литовских и татарских пленников, а также выселенных из своих домов псковичей и новгородцев, застигнутых опричниками по дороге в Москву).

2 января 1570 года передовые отряды во главе с В. Г. Зюзиным подошли к Новгороду и оцепили город заставами, опечатали казну в монастырях, церквях и частных домах, арестовали и поставили «на правёж» монахов, священников и видных новгородцев. 6 января у города появился сам Иван Грозный.

8 января, во время встречи опричного войска новгородским духовенством на Великом мосту через Волхов, царь обвинил в измене архиепископа Пимена. Последний был арестован и заключен в тюрьму¹⁸. Впоследствии опричный оруженосец Афанасий Вяземский был обвинен в том, что пытался предупредить Пимена об аресте, подвергнут торговой казни и сослан в Городецкий посад на Волгу, где и умер.

В Новгороде было казнено с применением различных пыток множество горожан, включая женщин и детей. Точный подсчёт жертв вёлся лишь на первых порах, когда Иван Грозный целенаправленно уничтожал местную знать и приказных, устроив суд в «Рюриковом городище» (было убито 211 помещиков и 137 членов их семей, 45 дьяков и приказных, столько же членов их семей). Среди убитых оказались: главные дьяки Новгорода К. Румянцев и А. Бессонов, боярин В. Д. Данилов, заведовавший пушечными делами, а также виднейший боярин Ф. Сырков, принимавший ранее участие в составлении «Великих Четых-Миней» и построивший на свои средства несколько церквей (его сначала окунули в ледяную

¹⁸ Новгородские летописи. – СПб., 1879- С. 430.

воду Волхова, а затем живьём сварили в котле). После этого царь начал объезжать новгородские монастыри, отбирая у них все богатства, а опричники осуществили общее нападение на новгородский посад (оставшийся до тех пор нетронутым), в ходе которого погибло неведомое количество людей. С храма св. Софии были сняты Васильевские ворота и перевезены в Александрову слободу.

Затем последовали казни, продолжавшиеся до 15 февраля. Было казнено с применением различных пыток множество горожан, включая женщин и детей. По сообщению русской повести о разгроме Новгорода¹⁹, Иван велел обливать новгородцев зажигательной смесью и затем, обгорелых и ещё живых, сбрасывать в Волхов; иных перед утоплением волочили за санями; «а жен их, мужеск и женск пол младенцы» он повелел «взяху за руце и за нозе опако назад, младенцев к матерем своим и вязаху, и с великия высоты повеле государь метати их в воду». Священники и монахи после различных издевательств были забиты дубинами и сброшены туда же. Современники сообщают, что Волхов был запружен трупами; живое предание об этом сохранялось ещё в XIX веке.

Людей забивали до смерти палками, бросали в реку Волхов, ставили на правёж, чтобы принудить их к отдаче всего своего имущества, жарили в раскаленной муке. Новгородский летописец рассказывает, что были дни, когда число убитых достигало полутора тысяч; дни, в которые избивалось 500 – 600 человек, считались счастливыми.

Частные дома и церкви были ограблены, имущество и продовольствие новгородцев уничтожено. Отряды опричников, разосланные на 200—300 км, творили грабежи и убийства по всей округе.

Число погибших неизвестно, современные учёные их считают от 4—5 (Р. Г. Скрынников) до 10—15 (В. Б. Кобрин) тысяч, при общем количестве населения Новгорода в 30 тысяч.

Точное число убитых в Новгородском погроме вызывает споры. Цифры, которые приводят современники, могут быть преувеличены и выше, чем число самого населения Новгорода (30 тысяч). Однако по всей Новгородской земле проживало гораздо больше людей, а террор не обязательно был ограничен непосредственно Новгородом. Сохранилась запись царя в Синодике опальным из Кирилло-Белозерского монастыря: «По Малютинские ноугородцкие посылки (задания) отделано скончавшихся православных христиан тысяща четыреста девятьдесят человек, да из пищалей стрельянием пятнадцать человек, им же имена Сам Ты, Господи, веси». Запись основана, как полагают, на документальном отчете Скуратова.²⁰

Из Новгорода Грозный отправился к Пскову. В Пскове царь собственноручно убил игумена Псково-Печерского монастыря Корнилия. Об убийстве преподобного рассказывает Третья Псковская летопись, упоминает Андрей Курбский, а также «Повесть о начале и основании Печерского монастыря» (конец XVI века), которая гласит: «От тленного сего жития земным царем предпослан к Небесному Царю в вечное жилище». В царском «синодике опальным» Корнилий был помечен первым в списке лиц, казненных во Пскове. Его слуги также убили старца Вассиана Муромцева (с которым прежде переписывался А. М. Курбский), двух городских приказчиков, одного подьячего и 30—40 детей боярских.

Царь ограничился только казнью нескольких псковичей и грабежом их имущества. В то время, как гласит предание, Грозный гостил у одного псковского юродивого (некоего Николы Салоса). Когда пришло время обеда, Никола протянул Грозному кусок сырого мяса со словами: «На, съешь, ты же питаешься мясом человеческим», а после – грозил Ивану многими бедами, если тот не пощадит жителей. Грозный, послушавшись, приказал снять колокола с одного псковского монастыря. В тот же час пал под царем его лучший конь, что про-

¹⁹ Повесть о походе Ивана IV на Новгород//«Изборник», серия «Библиотека всемирной литературы», М., 1969, стр. 477

²⁰ Колобков В. А. Митрополит Филипп и становление московского самодержавия. СПб. 2004. С. 300, 352.

извело впечатление на Ивана. Царь поспешно покинул Псков и вернулся в Москву, где снова начались розыски и казни: искали сообщников новгородской измены.

Не уступит нашим первым двум героям и их родственник и последователь – Иосиф Виссарионович.

Без сомнения, главным и основным военным походом его останется война 1941—1945 годов, в результате которой произошел не просто солидный прирост территории СССР (за счет включения в его состав Украины в том виде, в каком она существует в настоящее время, Прибалтики), но и расширение сфер влияния – создание подконтрольной Советскому Союзу (а, значит, лично Сталину) Организации Варшавского Договора – конфедеративного военного союза, представлявшего альтернативу НАТО и на протяжении более полувека наводившего ужас на всю Европу и США.

Это историческое событие произошло сравнительно недавно, потому останавливаться на нем нет особого смысла – и без нас источников достаточно. Любопытно проследить другое. «Брашовский след». Как жесток был Влад Дракула с брашовянами, а Иван Грозный – с новгородцами, так и потомок их проявил те же качества в своих завоевательных походах.

Перенеситесь мысленно в 1944 год. Массовое выселение чеченцев. Переселение из Галанчожского района осложнилось отсутствием дорог. С самого рассвета к селению Хайбах начали собирать людей со всех хуторов Нашхоевского сельского Совета и других населенных пунктов Галанчожского района, которые не могли самостоятельно спуститься с гор. Им было объявлено, что все больные и престарелые должны остаться для лечения на месте и перевозки в равнинные районы, и для них будет создана особая транспортная колонна. Желавшим следовать с этой колонной предложили собраться в конюшне колхоза, который, по злой иронии, носил имя Л. Берия. Якобы для того, чтобы не замерзнуть, людям также предложили нести в сарай солому и сено.

В конюшне Хайбаха были собраны люди со всех хуторов Нашхоевского сельского совета и других населенных пунктов Галанчожского района, которые не могли самостоятельно спуститься с гор, в основном больные, дети, старики и женщины. Количество собранных в конюшне Мальсагов оценил в 600—700 человек. Потом двери конюшни были закрыты и начальник Дальневосточного краевого управления НКВД, комиссар госбезопасности 3-го ранга Гвешвани, отдал приказ поджечь конюшню, а пытавшихся вырваться из огня людей расстреливать. Мальсагов и ещё один офицер, Громов, безуспешно пытались протестовать, и были под конвоем направлены в селение Малхасты...

Еще одно знаменитое событие тех лет навсегда войдет в историю правления Сталина.

1 сентября 1939 года Германия напала на Польшу. 3 сентября 1939 года Англия и Франция, выполняя принятые перед Польшей обязательства, объявили Германии войну, получившую название «Странная война», поскольку 110 французских и английских дивизий «абсолютно бездействовали» против 23 немецких дивизий.

17 сентября на территорию Польши вступили силы РККА. В официальной ноте Москва объясняла эти действия развалом польского государства и необходимостью защитить преобладавшее в этих областях украинское и белорусское население. Англия и Франция не объявили войну СССР.

Ввод советских войск в Польшу был осуществлён в соответствии с разграничением сфер интересов по Секретному дополнительному протоколу к Договору о ненападении между Германией и Советским Союзом.²¹

Красная Армия заняла территории Западной Украины и Западной Белоруссии, входившие по Рижскому мирному договору 1921 года в состав Польши, а до 1917 года – в состав

²¹ М. И. Семиряга. Тайны сталинской дипломатии. 1939—1941. – М.: Высшая школа, 1992. – 303 с.

Российской и Австро-Венгерской империй (Гродненская, Волынская и др. губернии, Галиция).

Заместитель наркома иностранных дел СССР В. П. Потёмкин в 1938 году высказывался о возможности в скором будущем «четвёртого раздела Польши». ²² Такое наименование для событий сентября-октября 1939 года иногда употребляется и в современной историографии. ²³

19 сентября 1939 года приказом Народного комиссара внутренних дел СССР №0308 было создано Управление по делам военнопленных и интернированных (УПВИ) при НКВД СССР и организовано 8 лагерей для содержания польских военнопленных (Осташковский, Юхновский, Козельский, Путивльский, Козельщанский, Старобельский, Южский и Оранский). Начальником управления был назначен работавший в секретариате Берии майор Пётр Сопруненко.

Всего в ходе продвижения Красной Армии было взято в плен до полумиллиона польских граждан. Большинство из них были вскоре освобождены, и в лагеря НКВД попало 130 242 человека, среди которых были как военнослужащие польской армии, так и другие лица, которых руководство Советского Союза сочло «подозрительными» из-за их стремления к восстановлению независимости Польши. ²⁴

По решению Политбюро ЦК ВКП (б) от 3 октября 1939 года ²⁵, рядовых и унтер-офицеров, уроженцев территорий Польши, отошедших к СССР, распустили по домам, а более 40 тысяч жителей Западной и Центральной Польши передали Германии.

Как свидетельствуют обнародованные в 1992 году документы, 3 марта 1940 года народный комиссар внутренних дел Л. П. Берия предложил Политбюро ЦК ВКП (б):

«В лагерях для военнопленных НКВД СССР и в тюрьмах западных областей Украины и Белоруссии в настоящее время содержится большое количество бывших офицеров польской армии, бывших работников польской полиции и разведывательных органов, членов польских националистических контрреволюционных партий, участников вскрытых контрреволюционных повстанческих организаций, перебежчиков и др. Все они являются заклятыми врагами советской власти, преисполненными ненависти к советскому строю.

В лагерях для военнопленных содержится всего (не считая солдат и унтер-офицерского состава) 14 736 бывших офицеров, чиновников, помещиков, полицейских, жандармов, тюремщиков, осадников и разведчиков, по национальности свыше 97% – поляки.

Исходя из того, что все они являются закоренелыми, неисправимыми врагами советской власти, НКВД СССР считает необходимым:

Дела о находящихся в лагерях военнопленных – 14 700 человек бывших польских офицеров, чиновников, помещиков, полицейских, разведчиков, жандармов, осадников и тюремщиков, а также дела об арестованных и находящихся в тюрьмах западных областей Украины и Белоруссии в количестве 11 000 человек членов различных контрреволюционных шпионских и диверсионных организаций, бывших помещиков, фабрикантов, бывших польских офицеров, чиновников и перебежчиков – рассмотреть в особом порядке, с применением к ним высшей меры наказания – расстрела». ²⁶

5 марта было принято соответствующее решение Политбюро:

²² Рид А., Фишер Д. Смертельное обьятие: Гитлер, Сталин и нацистско-советский пакт, 1939—1941 // Сборник Международные коалиции и договоры накануне и во время Второй мировой войны. – М., ИНИОН РАН, 1990.

²³ Н. С. Лебедева. Четвёртый раздел Польши и катынская трагедия. «Другая война. 1939—1945», Российский государственный гуманитарный университет, 1996, с. 237—295

²⁴ В. Парсаданова. К истории катынского дела. // №3 журнала «Новая и новейшая история» 1990 год

²⁵ «Катынь. Пленники необъявленной войны. Документы». М.: МФ «Демократия», 1999. Документ №37

²⁶ Вопросы истории», 1993, №1, стр. 7—22

«Дела <...> рассмотреть в особом порядке, с применением к ним высшей меры наказания – расстрела. Рассмотрение дела провести без вызова арестованных и без предъявления обвинения, постановления об окончании следствия и обвинительного заключения. <...> Рассмотрение дел и вынесение решения возложить на тройку, в составе т. т. В. Е. Меркулова, Б. Кобулова и Баштакова (начальник 1-го спецотдела НКВД СССР)».

К концу марта в НКВД была завершена разработка плана по вывозу польских военнопленных из лагерей и тюрем к местам расстрела. Заключённых из всех украинских тюрем везли на расстрел в Киев, Харьков и Херсон, из белорусских – в Минск.²⁷

Для уничтожения заключённых Осташковского лагеря была приготовлена Калининская тюрьма, заранее освобождённая от других заключённых. Одновременно неподалёку от Калинина, в посёлке Медное, экскаваторы вырыли несколько огромных ям. Руководил массовым расстрелом польских офицеров в Осташковском лагере В. М. Блохин.

С начала апреля военнопленных начали вывозить на расстрел эшелонами по 350—400 человек. Этапируемые заключённые полагали, что их готовятся отпустить на свободу, поэтому настроение в их рядах было приподнятое.

В работе «Катынский лабиринт» В. Абаринов приводит последние строки из дневника польского военнопленного – майора Адама Сольского, отправленного по этапу из Козельского лагеря 7 апреля 1940 года. В дневнике, впоследствии найденном немецкой комиссией Г. Бутца, значится:

«20 апреля. С 12 часов стоим в Смоленске на запасном пути.

21 апреля. Подъём в тюремных вагонах и подготовка на выход. Нас куда-то перевозят в машинах. Что дальше? С рассвета день начинается как-то странно. Перевозка в боксах «ворона» (страшно). Нас привезли куда-то в лес, похоже на дачное место. Тщательный обыск. Интересовались моим обручальным кольцом, забрали рубли, ремень, перочинный ножик, часы, которые показывали 6.30...»²⁸

Непосредственно в Катynи расстрел осуществлялся следующим образом: расстреливаемых связывали (иногда также накидывали на голову шинель) и подводили ко рву, после чего стреляли из пистолета в затылок. В Харькове и Калининском расстрелы производились в тюрьмах.

Использовались в основном пистолеты «Вальтер» и «Браунинг» под патрон «Браунинг» калибра 7,65 мм (в меньшей степени 6,35 мм). Тот факт, что при эксгумации в Катynи в 1943 году были обнаружены исключительно патроны немецкого производства, длительное время считался одним из основных доказательств того, что расстрелы были осуществлены немецкими оккупационными войсками. В настоящее время собрано достаточно свидетельств и косвенных доказательств того, что эти патроны использовались в пистолетах фирмы «Вальтер» или «Маузер», применявшихся сотрудниками НКВД при расстрелах. Кроме того, в начале 1990-х годов при раскопках на полигоне НКВД «Медное» под Тверью, где, в частности, были похоронены расстрелянные в Калининской тюрьме поляки – узники Осташковского лагеря, следователями Главной военной прокуратуры и польскими исследователями были обнаружены гильзы, аналогичные катынским.

Казни длились с начала апреля до середины мая 1940 года в рамках «Операции по разгрузке лагерей».

По данным, указанным в записке председателя КГБ А. Н. Шелепина (1959 год), всего было расстреляно 21 857 человек, из них в Катynи 4 421 человек, в Харькове 3 820 человек,

²⁷ И. С. Яжборовская, А. Ю. Яблоков, В. С. Парсаданова. Катynский синдром в советско-польских и российско-польских отношениях. Глава 2. – М., РОССПЭН, 2001. ISBN 5—8243—0197—2

²⁸ Абаринов В. Катynский лабиринт. – М.: Новости, 1991 год.

в Калининне 6 311 человек и 7 305 человек в лагерях и тюрьмах Западной Украины и Западной Белоруссии.²⁹

Среди казнённых были как кадровые офицеры (в том числе Якуб Вайда, отец известного кинорежиссёра Анджея Вайды), так и офицеры военного времени – мобилизованные адвокаты, журналисты, инженеры, учителя, врачи и т. д., включая университетских профессоров, которых только в Козельском лагере находилось 20 человек.³⁰

Итак, что мы видим? Всем трем нашим героям не просто свойственны одни и те же политические черты – все-таки сходство политик еще ничего не доказывает. Они, мало читая и не зная друг о друге (за исключением Сталина), как по писанному повторяют одни и те же сценарии внутривнутриполитического и внешнеполитического захвата мира – военные кампании, сопровождаемые нечеловеческой жестокостью, стремление к экспансии, установление авторитарной диктатуры при помощи репрессивных мер в отношении оппозиции. Потому и войдут они в мировую историю навсегда, что такой целенаправленной на установление господства в своей стране и прилегающих территориях жестокости не проявит ни до, ни после них, наверное, никто – за исключением их самих, выходцев из одного рода. Цель не оправдывает средств никогда, если тобой не движет зов крови, историческая память предков. И сходство это портретно не столько даже оттого, что, убери из приведенных летописей даты и смени фамилии – и не отличить уже одного от другого, – а еще и по мотивам поведения. Не сговариваясь между собой, они повторяют те же самые поступки ПО ОДНИМ И ТЕМ ЖЕ ПРИЧИНАМ. Вот что удивительно и бросается в глаза! И здесь речь идет, по нашему глубокому убеждению, уже не об исторической параллели, а, скорее, об исторической прямой, пронзившей летопись человечества сквозь века.

²⁹ «Вопросы истории», 1993, №1, стр. 7—22

³⁰ Уинстон Черчилль Вторая мировая война Том 3. Часть 42 В шести томах. Книга вторая. Том 3—4. «Военное издательство», 1991 ISBN 5—203—00706—3

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.